

МИРАЖИ ХУРРАМАБАДА

«МЕШАЛДА. КНИГА СЕМЕЙНЫХ РЕЦЕПТОВ» АНДРЕЯ ВОЛОСА.
МЫСЛИ ПОСЛЕ ЧТЕНИЯ

РОМАН СЕНЧИН
Родился в 1971 году в городе
Нызыле Тувинской АССР.
Он очил Литературный
институт имени А. М. Горького.
Проза и пьесы публикова-
лись в журналах «Новый
мир», «Знамя», «Сибирские
огни», «Дружба народов»,

«Аврора», «Урал». Автор
двух десятков книг, в том
числе «Ничего страшного»,
«Московские тени», «Елты-
шевы», «Зона затопления»,
«По пути в Лету», «Посто-
янное напряжение», «Дождь
в Париже». Проза переве-
дена на немецкий, англий-

ский, французский, финский,
китайский и некоторые
другие языки.
Лауреат премий «Эврика»,
«Ясная Поляна», «Большая
книга», премии Правитель-
ства Российской Федерации
в области культуры.
Живет в Екатеринбурге.

Публикации в толстых журналах давно уже почти не вызывают интереса у литературных критиков и обозревателей. Номера выходят каждый месяц и практически целиком сразу погружаются в реку забвения. Быть может, что-нибудь вынырнет из нее, пойдет против течения, вернется. Но это, видимо, пустые надежды...

Потому любая, пусть даже краткая, рецензия, попытка разговора о произведении из толстого журнала сегодня особенно ценны. На рецензию хочется откликнуться, разговор поддержать.

В апрельском и майском номерах журнала «Дружба народов» за прошлый год опубликован роман Андрея Волоса «Мешалда». Автор дал произведению подзаголовок «Книга семейных рецептов».

Спустя год с лишним книги в прямом смысле нет, но журнальная публикация вызывает некоторый (хотя и очень слабый) интерес тех, кто не просто читает, но еще и пишет о прочитанном. Во многом этому *некоторому интересу*, видимо, поспособствовало то, что «Мешалда» попала в длинные списки двух престижных литературных премий — «Ясная Поляна» и «Большая книга». Какой-никакой, а информационный повод. А без этого повода у нас, кажется, и о Викторе Пелевине теперь не пишут...

Андрею Волосу, по-моему, не везет с критикой. За роман «Возвращение в Панджруд» он был удостоен премии «Русский Букер» в 2013 году, но сам роман, сложный, важный, интересный наверняка не только для литкритиков, но и для историков, остался почти не замеченным ими. Тетралогия «Судные дни», достойная самых жарких споров, вообще прошла стороной от литературно-критической мысли (или мысль эта прошла стороной).

Сейчас я заглянул на сайты четырех крупнейших книжных магазинов Москвы и только на одном увидел одну книгу Андрея Волоса. Научно-

популярную — «Жизнь Изамбарда Брюнеля, как бы он рассказал ее сам». Ни остроумного романа «Из жизни одноглавого», ни permanently актуальных «Маснавской Менки», «Недвижимости», «Аниматора», ни забавной «Шапки Шпановского», ни сборников рассказов. Ни той книги, что должна бы быть на виду и под рукой постоянно, — «Хуррамабад».

Новое произведение Андрея Волоса тесно связано с его рассказами 1990-х, которые сложились в роман «Хуррамабад», ставший визитной карточкой писателя.

Действие «Мешалды» происходит в основном в Таджикистане советского времени. По сути, это действительно книга кулинарных рецептов, через которые мы узнаем историю семьи и того мира, в каком она живет. Жила. (Мешалда — это такой таджикский десерт... Способ приготовления ищите в произведении.)

Андрей Волос родился и вырос в Душанбе, столице Таджикистана, точнее, Таджикской ССР. Этому городу посвящены многие страницы его книг. В том числе и этой.

Азия огромна и разнообразна. Я не был ни в Таджикистане, ни в Узбекистане, ни в Киргизии, которые на политической карте будто сплелись друг с другом, но уверен, что это во многом не похожие друг на друга земли, культуры, народы. С другой стороны, и в Туве, откуда я родом, которая находится в трех тысячах километров от этих стран, судя по книгам, фильмам, этнографическим статьям, много общего с ними.

Рискну предположить, что одна из составляющих этого общего — напильяры русского мира. Никто, кажется, этот термин в советское и постсоветское время не употреблял — создавались советское общество, советская культура, которые, правда, как ни крути, имели русский фундамент, а может быть, шире, и европейский.

Важная черта: русские (имею в виду даже не национальность, а общность, что ли) в национальных республиках держались в стороне от так называемых титульных.

После выхода моей книги «Дождь в Париже», где действие происходит в основном не в Париже, а в Туве, некоторые критики, помню, удивились: а где же сами тувинцы? Да, среди героев и даже второстепенных персонажей их почти нет... Поначалу я посчитал это своей ошибкой, а потом, начав вспоминать о своей и своих друзей жизни в этой республике и конкретно ее столице Кызыле, увидел: с тувинцами-то мы почти не общались. Мы жили рядом, но не вместе. Позже то же самое я увидел в Таллине. Там четко разделен эстонский мир и русский мир. Вплоть до магазинов, ресторанчиков. Вражды я не наблюдал, но и настоящего объединения тоже.

Эта картина, по-моему, предстает и в романе Андрея Волоса. Особенно показательна глава «Таджикский плов». Позволю себе довольно большую цитату.

«Позже нашу улицу переименовали, она стала улицей Бехзод. На первый взгляд хрен редьки не слаще. Но все же улица Бехзод была еще хуже улицы Лумумбы, потому что, если в связи с Лумумбой у меня возникали ассоциации хотя бы народно-освободительного толка, то новое название не вызывало их вовсе. Мама говорила, что улица названа в честь какого-то таджикского художника. Мама всегда все откуда-то знала, а папа не знал, но мог залезть в энциклопедию, и уже тогда бы знал, но я не уверен, что название улицы было достаточным поводом для наведения справок.

Что же касается нашего круга вообще, то в нем и вовсе никому не было дела до таких мелочей: мы жили в русском городе, ничто таджинское нас не интересовало, даже конголезское слово вызывало у нас больший интерес, нежели таджинское. И что Немаль-ад-Дин Бехзад — персидский художник-миниатюрист пятнадцатого века, и что улица Бехзад — потому что таджинский язык окающий, я узнал позже.

Мне казалось, мы живем в русском городе, но на самом деле, конечно, русским был не город, а наш круг.

При этом — парадокс! — и сам наш русский круг был не совсем русским. Русские составляли в нем подавляющее большинство, это так. Но сюда же входили и татары, и лезгины, и якуты, и табасаранцы, и вообще кто угодно. Я бы не удивился, обнаружив в нашем кругу хоть бы даже чернокожих. Хоть бы того же Патриса Лумумбу.

Лишь таджиков в нем не могло оказаться.

Наш круг был не столько “русским”, сколько “не таджинским”.

И он охватывал такое пространство, что таджикам объективно не оставалось места во вселенной.

Да и кто из них мог бы на это место претендовать? Кто они вообще были? Дворники с метлами? Два зимних истопника в нашей подвальной котельной? Озабоченные прохожие в чапанах и тюбетейках на улице Лахути по дороге к базару? Ну и весь базар, конечно, — там таджики весело покрикивали друг на друга или сидели над своей морновкой, пригорюнившись.

Понятно, что ни дворники, ни истопники, ни базарные торговцы не оказывали на мою жизнь большого влияния.

Но они хотя бы воспринимались отдельными людьми.

Все остальное таджинское было чем-то вроде теста или строительного раствора: ни узнаваемого лица, ни внятного имени.

Эта неразличимая масса оценивалась нашим кругом в целом негативно, но беззлобно: ленивый как таджик, глупый как таджик, упрямый как таджик, еще что-то в том же духе.

Понятно, что таджики платили нам той же монетой и не худшей чеканки. В их собственном кругу все знакомы, каждого можно окликнуть. Все свое, родное. А там — там какая-то плотная, вязкая наша: это они, русские.

Стоя на берегу, человек догадывается, что глубины моря полны жизни. Но у него нет и мысли породниться с ней — чужой и, вероятно, опасной.

Между нами не было любви, но и ненависти не стояло.

Нужно уточнить: к тому времени не стояло. Однако если дворовые стычки выходили из нашего круга, то есть принимали межнациональный характер, то по их завершении мои сверстники, размазывая кровавые сопли или, напротив, торжествуя победу над улепетнувшим врагом, намекали на некие дела давних дней, когда, говоря их языком, Буденный показал звернам, где раны зимуют: дескать, было бы совсем неплохо что-нибудь похожее повторить, а то уж совсем страх потеряли.

Намеки были туманны: ни мои друзья ничего толком не знали, ни их родители или деды, от которых они это слышали, тоже ни черта не могли объяснить, ведь они и сами руководствовались невнятными слухами. Да и вообще ни о чем таком нельзя было узнать определенно, ибо это была одна из глубоко погребенных и строго охраняемых советских тайн, многочисленность ноих вовсе не предполагала небрежения по отношению к какой-нибудь из них.

Столь же невнятные предания, переходя из поколения в поколение, бытовали и у таджиков: такие же тени знания, такие же смутные призрания былого. Только в их сознании они имели не победную, а трагическую окраску.

Так или иначе, ни таджики с русскими, ни русские с таджиками не враждовали. Они мирно встречались на бытовой или производственной почве. «Мы никогда не воевали — я и потомок Чингисхана. Мы мирно водку попивали, расположась у дастархана». Мой друг писал о тюрнах, но у нас было примерно так же. Ни одно живое дело не обходится без конфликтов, но все обоюднo старались не возвышать их градус до уровня межнациональных. И так же мирно расставались, всякий раз оставаясь в бессознательной уверенности, что им снова пришлось иметь дело если не с инопланетянами, то уж как минимум с представителями иной стихии, и не испытывая друг к другу ничего кроме настороженности».

По сути, подобным образом дела обстояли в 1960-х — начале 1980-х в Туве, в соседней с ней Ханасии, где аналогом Буденного являлся Арнадий Гайдар (на самом деле ставший собирательным образом нескольких командиров ЧОНа, чьи фамилии народом не запомнились). Вполне мирное сосуществование и редкие «дворовые стычки» с тут же возникающими тенями прошлого.

В конце 1980-х тени прошлого, проблемы настоящего заслонили свет, началось долгое землетрясение (одна из героинь «Хуррамабада» принимает за землетрясение гул танков — очень точная метафора). Почти из всех союзных и автономных республик русские стали переселяться (а то и бежать) в российские области и края. Может быть, и правильно, что не укоренялись в свое время, не ассимилировались. Опять же — один из героев «Хуррамабада», москвич, в надежное советское время переехал в Таджикистан, очарованный природой, атмосферой, выучил язык, стал по всем приметам таджином, и его убили одним из первых, когда началась война, — приняли за таджика из другого клана...

Нажда́я глава «Мешалды» состоит из нескольких частей. Одна — непременно рецепт. Но рецепты эти больше напоминают притчи. Есть такой рецепт-притча и в главе «Таджикский плов», отсюда я привел цитату выше.

Повествователь сообщает нам, что плов на самом-то деле можно готовить из чего угодно, что кладется первым — лук или морковь — не так уж важно. Да и казан это или что-то другое, тоже большого значения не имеет. Главное, чтобы получилось рассыпчато.

«Бабушка варила плов в алюминиевой кастрюле».

Таджик Рахматулло, коллега отца повествователя, которого угощают бабушкиным пловом, хвалит его, а потом просит посмотреть, в чем этот плов приготовили.

«Бабушка с понятной гордостью повела его на кухню.

Не знаю, что Рахматулло ожидал увидеть. Может быть, большой чугунный казан, может, каную иную толстостенную посудину.

Так или иначе, папа потом говорил, что бабушкина кастрюля произвела на него просто ошеломляющее впечатление».

Конец главы.

Мне кажется, смысл этой истории в том, что и без следования традициям можно заслужить уважение аборигена или, скажу деликатней, автохтона. Вернее, не заслужить, а обрести — заслуживают что-то намеренно. У бабушки повествователя не было казана, и она готовила плов в советской (европейской) алюминиевой кастрюле.

Ох, эта алюминиевая кастрюля. «...Долгая жизнь оставила на боках кастрюли множество вмятин. В их глубине виднелся желто-коричневый налет масляной кухонной грязи. Не знаю, удалось бы кому-нибудь вообще довести до первозданной чистоты все неровности бабушкиной кастрюли. Собственно, бабушка и не пыталась». Точно в такой же кастрюле я приготовил для мамы — ее тогда выписали из больницы, не в силах вылечить, — последнее блюдо. Нак раз нечто вроде плова. Назан где-то потерялся при переездах. Но получилось рассыпчато...

«Мешалда» — книга о прошлом. О том невозвратном прошлом, когда у героя-повествователя была настоящая семья — бабушка с дедом, отец, мама, — был настоящий, родной, дом, был родной город, в который сейчас стало попасть непросто. Душанбе в книге — это мираж того Хуррамабада, что был показан Андреем Волосом в первых главах-новеллах романа, вышедшего двадцать два года назад.

Подобные миражи я увидел в повестях Александра Грищенко «Вспять» и Антона Янновского «Австралийский связной», на некоторых страницах романов Владимира Медведева «Захон» и Евгения Чижова «Перевод с подстрочника», в некоторых рассказах Аленсея Торна... О том, как живется сейчас в Средней Азии (которую почему-то в последнее время стали называть Центральной), мы из русской литературы почти не узнаём. Рассказы Сухбата Афлатуни разве что... Печально, если это огромное пространство станет для нас лишь миражом или вовсе terra incognita.

Впрочем, в последние месяцы почти отмершие напильяры русского мира там снова стали наполняться кровью. Наверняка это найдет отражение и осмысление в литературе.

